

предполагает умение мыслить, “жить и мыслить”, влекущее за собой, в частности, такую неприятную вещь, как “презрение к людям” и проч.

Таким образом, мы видим, что в этой шутке меньше всего шуточного. Шутка стала способом подачи серьезного материала: в этом и заключается одна из особенностей стиля “Евгения Онегина”. Весь роман, собственно, состоит из подобных шуток, превращаясь в одну божественную шутку по поводу законов сочетания духа, души и тела. Доступен ли такой роман “людям”?

Это, конечно, шутливая постановка вопроса. Ответ хорошо известен.

Т.И. Вендина

**ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДОБРЕ ПРОЖИВЕТ ВЕК
(концепт “добро” в истории языка русской культуры)**

Обращение к концепту “добро” в этом сборнике, является скромной данью глубокого уважения к крупнейшим белорусским ученым-славистам, вся жизнь которых яркое воплощение этого концепта в отношении к людям – академику Н.В. Бирилло и профессору Л.М. Шакуну.

Вопрос о роли старославянской стихии в формировании русского литературного языка сегодня, кажется, из разряда дискуссионных перешел в разряд очевидных. И старославянский язык оценивается современной наукой как моделирующий фактор русской культуры, сыгравший огромную роль в ее духовном становлении.

Язык культуры Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом созвучны русской культуре, являясь ее своеобразным “молчаливым наследием”. На это в свое время обратил внимание о. П.А. Флоренский, назвавший Кирилла и Мефодия духовными отцами русской культуры.

Усваивая старославянскую лексику, русский язык адаптировал и ментальные особенности этого сакрального языка. Именно старославянский язык, лексикон которого пронизывала идея противопоставленности божественного и земного, оказал существенное влияние на формирование всей концептосферы русского языка, с характерной для нее дихотомией горнего и дольного.

Попробуем проиллюстрировать эту мысль на примере такого важного для любой культуры концепта, как Добро.

Понимание человеком добра во многом определяет ценности общества, его этические и даже эстетические идеалы, поскольку вся жизнь человека предопределяется его выбором между добром и злом.

Как свидетельствуют материалы старославянского языка средневековое представление о Добре было во многом персонифицированным, ибо оно соотносилось прежде всего с Богом. “Само Божество есть Добро по существу, и все сущее причастно Добру, как творения – солнцу”, – говорит мудрый Дионисий Ареопагит [Дионисий Ареопагит 1994: 89]. Добро, таким образом, было сущностным атрибутом Бога, поэтому **доброчьствивъ** это не просто ‘набожный’, но чтущий Бога. Однако добро могло соотноситься и с человеком, но, как свидетельствует старославянский язык, оно не было сущностным атрибутом человека, ибо человек был сопричастен не только добру, но и злу.

В старославянском языке было довольно глубоко проработано понятие “добра”, причем в разных аспектах – этическом, социальном, эстетическом и даже витальном.

Добро в языковом сознании средневекового человека – это прежде всего благо (само прилагательное **благо (блага"**), выступающее в функции существительного, имело значение ‘добро’: **изиджтъ сътворшеи блага въ въскрѣшенѣ животоу** СС, 90), ср. также **благость** ‘доброта, милость’; **благостыни** ‘доброта’; **благыни** ‘добро, доброта’. Естественно поэтому, что “добро” в средневековом сознании соотносилось прежде всего с этическим понятием (прилагательное **добръ** имело значение ‘хороший, добрый’) и в первую очередь с религиозным, поскольку с добром связывалась набожность и благочестие человека (ср. **доброчьсти**~ ‘благочестие, набожность’).

Дериваты с корнем **добр-** говорят нам о том, что понималось под добром в средневековом обществе, какое ментальное содержание вкладывалось в это понятие:

добро – это благое деяние (ср. **добростьтворник** ‘доброедеяние’; **добростьтворити** ‘сделать добро’). Истинное добро исходит от Бога (ср. **добродѣя** (о Боге) ‘делающий добро’: **любивыи чьстемь добро дѣжштимъ христось** СС, 191), но оно может плодиться и усилиями человека, в побуждении его воли к добрым делам, когда оно является творческим актом свободной личности, поэтому способность творить добро рассматривалась как одна из добродетелей человека (ср.

ДОБРОДѢЯНИЕ ‘добрые дела, добродетель’; **ДОБРОДѢЯНЪ** ‘добродетельный’; **ДОБРОСТЬ** ‘добродетель’; **ДОБРОТА** ‘добродетель’);

добро – это и стремление следовать в своей жизни принятым нормам, образцам, правилам поведения (ср. **ДОБРООБРАЗЪНЪ** ‘добропорядочный’ < **ОБРАЗЪ** ‘пример, образец’: **НЕПОСАГЪШИИА БО ПЕЧЕТЪ С— О ГОСПОДИ НА ДОБРООБРАЗНОК И БЛАГОПРИЛЕЖНОК** СС, 191);

добро – это разум, знания (ср. **ДОБРОРАЗУМИВЪ** ‘очень сведущий, знающий’).

Старославянский язык говорит нам о том, что Добро в средневековом обществе было понятием социологизированным, ибо с добром связывалось социальное происхождение человека (в частности, его знатность, ср. **ДОБРОДИК** ‘знатность’; **ДОБРОРОДЪНЪ** ‘знатный, благородный’, поэтому знатный человек по определению должен был быть добрым человеком), а также его имущество (ср. **ДОБРО** ‘имущество’).

Добро в средневековом обществе рассматривалось и как эстетическая категория, т.к. добро – это красота (ср. **ДОБРЪ** ‘красивый’; **ДОБРОТА** ‘красота’; **ДОБРОЛИЧЪНЪ** ‘красивый’).

Наконец, добро могло ассоциироваться с витальностью человека (ср. **ДОБРОПРИМАТИ** ‘быть здоровым, сильным’), так как здоровым, по мнению старославянского языка, человек мог быть лишь тогда, когда он в душе своей “принимал” Бога.

Таким образом, категория “добра” в старославянском языке работала практически во всех сферах жизни средневекового человека – от витальной до социальной и религиозной, от этической до эстетической, оказывая влияние на формирование многих абстрактных понятий мира христианских существей.

Древнерусский язык не просто воспринял это философское и этическое осмысление добра в старославянском языке, но и по-своему его развил.

Прежде всего следует отметить, что “добро” в древнерусском языке оказывается связанным не только с человеком, но и с окружающим его миром. Присутствуя на земле (ср. **ДОБРОПЛОДНЫЙ** ‘плодородный’: **ЗЕМЛЯ ПЛОДОВИТАЯ И ДОБРОПЛОДАА** СРЯ XI-XVII 4: 265; **ДОБРОРОДНЫЙ** ‘плодородный’ 4: 266; **ДОБРОВОДНЫЙ** ‘имеющий чистую, светлую воду’ 4: 259; **ДОБРОЛИСТВЕННЫЙ (САД)** ‘сад с хорошей листвой’ 4: 263; **ДОБРООВОЩНОЙ** ‘с хорошими плодами’: **САДОВИЕ ДОБРООВОЩНОЕ** 4: 264; **ДОБРОПОГОДНЫЙ** ‘благоприятный по погоде’ 4: 265) и на небесах (ср. **НЕБЕСНАЯ ДОБРОТА** ‘благоприятный климат’ 4: 267), оно как бы “разлито” в

пространстве и во времени (ср. **ДОБРОДЕНСТВО** ‘счастливое, благополучное время’: **ЗВѢЗДОСЛОВЫ ПРЕДВОЗВѢЩАЮТ ДОБРОДЕНСТВО И ЗЛОДЕНСТВО, НѢКИМ ЖЕ И ДОЛГОТѢ ЖИТИЯ ПОВѢДАЮТЪ** 4: 261; **ДОБРОГОДИЕ** ‘подходящее время’ 4: 260; **ДОБРОГОДЪ** ‘своевременно’ 4: 260; **ДОБРОЕ ВРѢМЯ** ‘благоприятное время’ 4: 271).

Вместе с тем “добро” по-прежнему осмысляется как некая сакральная сущность (ср. **ДОБРОДАВЕЦЪ** ‘творящий, дарующий добро (о Боге)’: **ДОБРОДАВЕЦЪ БО БГЪ СЫН, ВСЕМУ ДОБРУ ДЕЛАТЕЛЬ ЕСЬ** 4: 260; **ДОБРОДАРИЙ** ‘подающий добро’(о Боге) 4: 260), и как следствие этого оно интерпретируется прежде всего как категория этики (ср. **ДОБРО** ‘все хорошее, доброе, честное’ 4: 258; **ДОБРОСТЬ** 1) ‘добродетель’; 2) ‘доброта’ 4: 267; **ДОБРЫНЯ** 1) ‘доброе отношение’; 2) ‘добродетель’ 4: 271), как должное и нравственно положительное благо (ср. **БЛАГО** ‘добро’ 1: 191). Причем это не только благочестие (ср. **ДОБРОЧЕСТИЕ** ‘благочестивие’ 4: 270), как в старославянском языке, но и доброжелательность (ср. **ДОБРОХОТѢНИЕ** ‘доброжелательность’ 4: 269), отзывчивость (ср. **ДОБРОСЕРДИЕ** ‘отзывчивость’ 4: 266), послушание (ср. **ДОБРОЧИНСТВО** ‘послушание’ 4: 270), благородство (ср. **ДОБРОНОРОВИЕ** ‘благородство’ 4:264), т. е. все то, что вызывает уважение в человеке (ср. **ДОБРОГОВѢНИЕ** ‘уважение’ 4: 257).

В древнерусском языке «добро» получает развитие и как эстетическая категория (ср. **ДОБРОТА** – это ‘красота’ // ‘привлекательность и миловидность’ 4: 267; **ДОБРОЗРАЧИЕ** ‘миловидность, красота’ 4: 262; **ДОБРОЛѢПИЕ** ‘красота’ 4: 263), которая могла конкретизироваться в различных сущностях прекрасного. Корень **ДОБР-** активно используется в создании “портрета” человека, в котором особо выделяется красота лица (**ДОБРОЛИКИЙ** ‘с красивым лицом’ 4: 263; **ДОБРОЛИЧНЫЙ** ‘красивый, миловидный’ 4: 263), волос (ср. **ДОБРОКОСЫЙ** ‘с красивыми косами’: **ЖЕНЫ ДОБРОКОСЫЯ** 4: 263), бороды (**ДОБРОБРАДЫЙ** ‘с красивой бородой’ 4: 258), носа (**ДОБРОНОСЫЙ** ‘имеющий красивый нос’: **Минелость низокъ ... крѣпокъ, рѹмянъ, доброность, доброликъ, густоврадъ** 4: 264), глаз (ср. **ДОБРООКИЙ** ‘имеющий красивые глаза’ 4: 264), роста человека (**ДОБРОРАСТЫЙ** ‘рослый, высокий’ 4: 266), вообще всей его осанки (ср. **ДОБРОСАНЫЙ** ‘имеющий красивую осанку’ 4: 266), а у женщины и красота груди (ср. **ДОБРОСОСЫЙ** ‘с пышной грудью’ 4: 267).

“Добро” в древнерусском языке воспринимается и как социальная категория, т.к. с одной стороны, оно указывает на социальное происхождение человека (ср. **ДОБРОРОДСТВО** ‘родовитость, знатность, благородное происхождение’; **ДОБРОРОЖЕННЫЙ** ‘знатного происхождения’

4: 266; **ДОВОУРОЖЕННЫЙ** ‘знатного происхождения’ 4: 268), а с другой – на его имущество (ср. **ДОБРО** ‘имущество, богатство’ 4: 258).

Наконец, “добро” осмысляется и как количественная категория, служащая своеобразной “мерой” проявления действия или признака (ср. **ДОБРЪ** ‘очень, весьма’ 4: 257; **ДОБРЪ ДОБРО** ‘весьма хорошо’ 4: 257; **ДОБРЫЙ** ‘полномерный, неурезанный (о мерах)’ 4: 270; **ДОБРЕНЬКИЙ** ‘значительный, большой по количеству’ 4: 257; **ДОБРИТИ** ‘уравнивать пахотные земли в соответствии с нормами сошного письма’ 4: 257).

Все это делает “добро” в древнерусском языке категорией аксиологической (ср. **ДОБРОДУТЕЛЬ** ‘хорошие отношения’ 4: 261; **ДОБРОЖИТЕЛЬНЫЙ** ‘хорошей, правильной жизни, поведения’ 4: 262; **ДОБРОПОДОБНЫЙ** ‘хорошего образа жизни’ 4: 265; **ДОБРОТНЫЙ** ‘прекрасный, хороший’ 4: 268; **ДОБРОСЛАВНЫЙ** ‘замечательный, превосходный’ 4: 267) и даже прагматической, так как материализованной ипостасью добра становится польза (ср. **ДОБРО** ‘полезно, похвально’ 4: 258; **ДОБРОТВОРЕНИЕ** ‘польза’ 4: 268; **ДОБРОГОДНЫЙ** ‘удобный, подходящий, полезный для чего-либо’ 4: 260).

Дериваты с корнем **ДОБР-** (а число их в древнерусском языке превышает цифру 200) рисуют нам целую картину, в центре которой находится человек. Именно он формирует текст “добра” в древнерусском языке. Что же осмыляется в человеке как добро, какой человек, с точки зрения этики древнерусского языка, является добрым?

Конечно, это прежде всего набожный, благочестивый человек (ср. **ДОБРОВЪРНЫЙ** ‘благочестивый, набожный’ 4: 258; **ДОБРОЧЕСТИВЫЙ** ‘благочестивый’ 4: 269; **ДОБРОЧЕСТНЫЙ** ‘благочестивый’ 4: 270), отстаивающий свою веру и побеждающий в этой борьбе (ср. **ДОБРОПОВЪДНИКЪ** ‘одержавший победу (в борьбе за веру)’ 4: 265); богобоязненный (**ДОБРОГОВЪЙНЫЙ** ‘богобоязненный, почтительный’ 4: 260), проповедующий и творящий добро (**ДОБРОПОВЪДАТЕЛЬ** ‘проводник добра’ 4: 265; **ДОБРОДУЕЦЪ** ‘тот, кто делает добро’ 4: 260; **ДОБРОДУИ** ‘благодетель’ 4: 260; **ДОБРОДУТЕЛИВЫЙ** ‘добродетельный’ 4: 261; **ДОБРОТВОРЕЦЪ** ‘тот, кто делает добро’ 4: 268), морально устойчивый (**ДОБРОДУШНЫЙ** ‘устойчивый в добром поведении и взглядах’ 4: 262), душевный, отзывчивый человек (ср. **ДОБРЕНЬКИЙ** ‘душевный, отзывчивый’ 4: 257; **ДОБРОСЕРДНЫЙ** ‘отзывчивый’ 4: 266; **ДОБРОЛЮБИВЫЙ** ‘склонный к добру’ 4: 263), благожелательный (**ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ** ‘благожелательный, добропорядочный’ 4: 262; **ДОБРОХОТИМЫЙ**, **ДОБРОХОТНЫЙ** ‘доброжелательный’ 4: 269), а потому любимый всеми (ср. **ДОБРОПРЪЛЮБНЫЙ** ‘тот, кто сопровождаем любовью’

4: 265), опытный, умелый (**ДОБРОИСКУСНЫЙ** ‘опытный, умелый’ 4: 263; **ДОБРОРАТНЫЙ** ‘искусный в военном деле’ 4: 266), мудрый, здравомыслящий (**ДОБРОМУДРЫЙ** ‘умный, здравомыслящий’ 4: 264; **ДОБРОСУМНИВЫЙ** ‘разумный’ 4: 267), благоразумный (**ДОБРОМЫСЛЕННЫЙ** ‘рассудительный, благоразумный’ 4: 264; **ДОБРОРАЗУМНЫЙ** ‘благоразумный’ 4: 266; **ДОБРОРАССУДЛИВЫЙ** ‘благоразумный, рассудительный’ 4: 266; **ДОБРЪСМЫСЛЯЩИЙ** ‘благоразумный’ 4: 257), благонравный (**ДОБРОНАВНЫЙ** ‘добродетельный, благонравный’ 4: 264), ведущий примерный образ жизни (**ДОБРООБРАЗНЫЙ** ‘примерного образа жизни’ 4: 264), добропорядочный (**ДОБРОПРАВЫЙ** ‘добропорядочный’ 4: 265), доступный людям (**ДОБРОПРИСТУПНЫЙ** ‘благосклонный, всем доступный’ 4: 265), исполнительный (**ДОБРОСЛУЖНЫЙ** ‘исполнительный’ 4: 267).

Интересно, что древнерусский язык так же, как и старославянский, настойчиво призывает человека “творить” добро (**ДОБРСТВОВАТИ** ‘совершать добро’ 4: 270), о чем свидетельствуют многочисленные дериваты, опорная основа которых содержит глаголы *творить* и *делать* (ср. **ДОБРОТВОРИТИ** ‘делать добро’ 4: 268; **ДОБРОТВОРЕНИЕ** ‘доброе дело’ 4: 268; **ДОБРОТВОРИЕ** ‘благодетельство’ 4: 268; **ДОБРОДЪЯТИ**, **ДОБРОДЪТИ** ‘делать добро’ 4: 262; **ДОБРОДЪТЕЛЬ** ‘хорошие отношения’ 4: 261). Однако чтобы творить добро, нужно не только его любить (ср. **ДОБРОЛЮБИВЫЙ** ‘склонный к добру’ 4: 263; **ДОБРОПРЪЛЮБНЫЙ** ‘сопровождается любовью’ 4: 265; **ДОБРОЛЮБИТЕЛЬНЫЙ** ‘весьма расположенный’ 4: 263), но и желать (**ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ** ‘благожелательный’ 4: 262; **ДОБРОХОТЯТИ** ‘желать добра кому-либо’ 4: 269, **ДОБРОХОТСТВОВАТИ** ‘проявлять доброжелательность к кому-либо’ 4: 269), а для этого необходимо усилие воли (ср. **ДОБРОВОЛЬСТВО** ‘благожелательность’ 4: 259, **ДОБРОВОЛЕНИЕ**, **ДОБРОВОЛЕНСТВО** ‘хорошее отношение’ 4: 259), т. е. добро в древнерусском языке предстает как активная категория, которая “изволяется” вовне, оно плодится усилиями человека, побуждая его волю к добрым делам и тем самым развивая и совершенствуя характер человека.

Таким образом, в категории “добра” в древнерусском языке причудливо сочетались нравственное, эстетическое, социальное и прагматическое, что делало эту категорию земной, которая, однако, соответствовала высшим понятиям идеального бытия, связывавшим человека и Бога.

Современный русский литературный язык многое воспринял из этой философии “добра”, однако еще больше утратил (число дериватов с корнем *добр-* в нем вдвое меньше, чем в древнерусском языке).

Утрачено прежде всего космическое осмысление “добра”, в том числе и сакральное, в связи с чем оно является категорией прежде всего антропоцентрической. Сами существительные *добро* и *доброта* апеллируют к межличностным отношениям (ср. значение слова *доброта* ‘отзывчивое, сочувственное, дружеское расположение к людям’ СРЯ I: 555).

В отличие от древнерусского языка современный русский литературный язык утратил саму философскую основу осмысления Добра: древнерусский язык говорит нам о том, что истинным субъектом Добра является Бог, который “изволяет”, дарует Добро человеку (ср. *добродавецъ* ‘творящий, дарующий добро (о Боге)’: 4: 260; *добродарий* ‘подающий добро’ (о Боге) 4: 260), человек же лишь получатель Добра, поэтому его богатство и благополучие – это лишь дар Божий (ср. *добрполучиѣ* ‘благополучие’ 4: 264).

Утрачено и эстетическое осмысление “добра”. Даже в устаревшей народно-поэтической формуле *добрый молодец* на первый план вышло этическое понимание добра ‘обладающий положительными качествами, достойный уважения’ СРЯ I: 555 (ср. также обращение: *люди добрые* или *добрый человек*).

Трансформировалось осмысление добра и как социальной категории: хотя существительное *добро* сохраняет значение ‘имущество’ (приобретая в ироническом употреблении значение чего-то ‘негодного, мало нужного’, ср. *этого добра у нас хватает*), однако указание на происхождение человека в нем уже не актуализируется, зато сочетание с корнем *сосед-* (*добрсоседствовать, добрососедский*) переводит “добро” в область общежитийных отношений.

Значительно сузилась и сфера количественной интерпретации добра, которая сохранилась лишь в разговорном языке у прилагательного *добрый* в значении ‘целый, полный, в полную мере (о количестве)’ СРЯ I: 555, ср. *прождать добрый час*.

Существенные изменения произошли и в осмыслении “добра” как этической категории, о чем пожалуй, ярче всего свидетельствуют субъектные номинации. Добрый человек в представлении языка элитарной культуры – это ‘очень хороший человек’ (*добряк*), ‘обладающий добродетелями’ (*добродетельный*), ‘отличающийся скромным поведением’ (устар. *добронравный*) и вообще ‘положительными качествами’ (*добрпорядочный*), ‘отзывчивый’ (*добрый*), ‘мягкий, расположенный к людям’ (*добродушный*), ‘обладающий добрым сердцем’ (*добросердечный*), ‘желающий им добра’ (*доброжелательный*, устар. *доброхот*), ‘честно,

старательно выполняющий свои обязанности’ (*добросовестный*), СРЯ I: 553–555.

Сопоставление этих субъектных номинаций с именами лица в древнерусском языке говорит о том, что современный русский язык в понятие ‘добрый’ уже не включает такие качества человека, как *богобоязненный, благочестивый, морально устойчивый, опытный, искусный* (в каком-либо ремесле), *здравомыслящий, благоразумный, доступный людям, любимый всеми*. По-иному осмысливается и понятие добропорядочный: если древнерусский язык связывал его с отношением к праву (ср. *доброправый* ‘добропорядочный’ 4: 265), то современный русский язык соотносит его с порядком, устоями общества; изменения произошли и в осмыслении понятия исполнительный, характеризующего человека с точки зрения его отношения к службе: современный русский язык предпочитает здесь апеллировать к совести (ср. *добросовестный*), а не вообще к служению человека, как древнерусский (ср. др-рус. *добротворити* ‘исполнительный’ 4: 267).

И еще одна особенность современного русского языка: в отличие от старославянского и древнерусского он не призывает человека творить добро. В современном языке присутствует лишь один глагол *доброжелательствовать*, апеллирующий к желанию человека, а не к самому процессу «творения добра», тогда как в древнерусском языке существовал особый глагол *добрствовати* ‘совершать добро’ 4: 270, а также целая вереница глаголов и имен с корнями *дѣяти* и *творити* (ср. др-рус. *добротворити* ‘делать добро’ 4: 268; *добродѣяти, добродѣти* ‘делать добро’ 4: 262; *добродѣтельствовати* ‘вести добрую подвижническую жизнь’ 4: 262; ср. также *добротворение* ‘доброе дело’ 4: 268; *добротворие* ‘благодаяние’ 4: 268; *добродѣлание* ‘совершение добрых дел’ 4: 261; *добродѣяние* ‘добро, благо, польза’ 4: 262; *добродѣтель* ‘хорошие отношения’ 4: 261). И даже в субъектных именах и в именах качества (свойства) в современном русском языке преобладает идея не активного “творения” добра (ср. единичные *добродетель, добродетельный, добродетельно*), а только лишь пассивного его желания (ср. *доброжелатель, доброжелательность, доброжелательный, доброжелательствовать, доброхот, доброхотный*). Здесь следует отметить, что русский язык избрал иной предмет “творения” добра – благо (не случайно многие древнерусские дериваты с инициальным корнем *добр-* утвердились в русском языке с начальным *благ-*, ср. *доброразумный* ‘благоразумный’, *доброродный* ‘благородный’, *добрѣдарствити*

‘благодарить’, **ДОБРОДУШЕСТВОВАТИ** ‘благодарушествовать’, **ДОБРОРАЗУМІЄ** ‘благоразумие’, **ДОБРОУХАНІЄ** ‘благоухание’, **ДОБРОПОЛУЧІЄ** ‘благополучие’, **ДОБРОХОТЕНІЄ** ‘благожелательство’, **ДОБРОЧЕСТІЄ** ‘благочестие’, **ДОБРОЧЕСТИВИЙ** ‘благочестивый’, **ДОБРОШУМНИЙ** ‘благозвучный’ и др.

Такова ситуация в языке элитарной культуры, а как адаптировал эту древнюю этическую категорию язык традиционной духовной культуры?

Прежде всего следует отметить, что в языке русской традиционной культуры “добро” (*добро, доброть, доброта*) сохранило свой универсальный характер, поскольку оно определяет не только реальный мир человека, но и мир ирреальный (ср. *доброхотушка* ‘домовой’ Волог., СРНГ 8: 80; *доброходница* Волог., *доброхотица* Волог., *доброходушко* Волог. ‘по суеверным представлениям сверхъестественное существо, доброй или злой дух, живущий в доме’ СВГ 2: 31-32; *доброхот* ‘бран. черт’ Калуж., Смол.: *Доброхот тебя возьми* СРНГ 8: 79). В этом обращении к корню *добр-* как к своеобразному эвфемизму в именовании нечистой силы проявляется охранительная функция добра (ср. в связи с этим следующий текст, сопровождающий название лихорадки *добрава* ‘лихорадка’ Твер., Симб.: *Чтобы не гневить иродовой сестрицы, называют ее так те, которым кажется мало честить ее дедюхой, кумахой, теткой, соседкой и проч.* СРНГ 8: 75).

Добрым для русского человека является все, что окружает его, все, что находится в мире природы: растения и грибы (ср. *доброе дерево: от доброго дерева и добрый плод* Даль I: 443; *добрик* ‘гриб подберезовик’ Орл., СОГ 3: 60; *добрый гриб* ‘гриб боровик’ Курск., СРНГ 8: 80), животные, особенно лошади (ср. *доброход* ‘хорошо бегающий, рысистый конь’ Казан., СРНГ 8: 79; *доброта* ‘ретивая лошадь’ Пенз., Опыт: 48; *добродышка* ‘здоровая, незапаленная лошадь’ Даль I: 443; *добрый скот* ‘дородный, сытный’ Даль I: 443), время (ср. *дobre* ‘долго, давно’ Калуж.: *Добре уж как ушел* СРНГ 8: 75; *добро* ‘пора’: *Аль уж добро идти* Даль I: 443; *задобро* ‘вовремя’ СРНГ 10: 60; *доброугодная пора* Даль I: 443), место (ср. *добросельное место* ‘место удобное для поселения’ Даль I: 443), река (ср. *доброточная река* ‘богатая, обильная рыбой река’ Даль I: 443) и т. д..

Добром определяется и достоинство вещей, окружающих в быту человека (ср. *добрый* ‘добротный’ Семейск., СГС: 120; *добрина* ‘прочность, достоинство вещи’ СРНГ 8: 76; *добристый* ‘высокого качества’ Пск., Твер., Смол., Олон. // ‘красивый’ Олон., СРНГ 8: 76; *доброта* ‘хорошее качество чего-либо’ Том., СРНГ 8: 78; Волог.: *Пирогы-то вкусные, доброты-то там много* СВГ 2: 31).

Добро привносит в жизнь человека радость, довольство и благополучие (*добровать* ‘жить в добре, в довольстве, в покое’ Даль I: 443; *добродни* ‘благополучие, достаток, довольство’ Волог., СРНГ 8:80; *доброхотно* ‘зажиточно’ Волог.: *Вон как доброхотно Иванович живет* СВГ 2: 32; *добрить* ‘нежить, холить, ласкать’ Арх., Новг.: *Уж так-то он ее добрил, а она, поди, другого полюбила* СРНГ 8: 76).

Добро для русского человека является и социальной категорией. Добром он меряет свое имущество, движимое и недвижимое (ср. *доброе* в знач. сущ. ‘имущество, добро’ Яросл., Костром., Смол., Олон., Калуж., Ряз., Тул., Орл., Курск: *Все мое доброе пригорело* // ‘приданое невесты’ Тул. СРНГ 8: 78; *добрина* ‘всякого рода движимое имущество’ Арх., СРНГ 8: 76; *доброта* ‘всякого рода движимое имущество’ Арх.: *Было у него многой всякой доброты* СРНГ 8: 78; *добрыдни* ‘пожитки имущество’ Курск., Орл., Тул., Калуж., Смол., СРНГ 8: 80), добром он называет и свою одежду (ср. *добро* ‘одежда, платье’ Ворон., СРНГ 8: 76), особенно праздничную (ср. *добрая рубаха* ‘самая лучшая, праздничная рубаха’ Ворон., СРНГ 8: 80; *добрая понёва* ‘особенно нарядная, праздничная понева, украшенная лентами, позументами’ Орл., СОГ 3: 60; *добрая сорока* ‘старинный, праздничный женский головной убор’ Орл., СОГ 3: 60), с добром он связывает социальное происхождение человека (ср. *доброродный* ‘благородный’ Олон., СРНГ 8: 78).

Но главное – добром регулируются отношения человека в обществе. Поэтому добро осмысливается и как регулятивная категория, которая определяет нормы человеческого общежития (ср. *добрить* ‘благодарить’ Орл., СОГ 3: 60 // ‘желать добра кому-либо’ Даль I: 443; *доброедействие* ‘доброжелательность’ Арх., СРНГ 8: 77; *доброродство* ‘доброжелательность’ Арх., СРНГ 8: 78; *подобриться* ‘проявлять доброту, щедрость’ Арх., СРНГ 8: 108; *доброхотиться* ‘быть гостеприимным, хлебосольным’ Пск., СРНГ 8: 79; *добристо* ‘радушно’ Пск., Олон., СРНГ 8: 76; *добрословить* ‘хвалить кого-либо’ Даль I: 443) и с этой точки зрения “добро” оценивается как прагматическая категория, жизненно необходимая для человека (ср. *надобный* ‘добрый’ Пск., СРНГ 19: 241).

Интересно, что понятие “добра” “работает” даже в коммуникативном регистре, украшая человеческое общение, ср., например, различные формулы благопожеланий или приветствий, включающих в себя лексему *добро*: *Доброго тебе добра* ‘приветствие гостя’ Яросл., ЯОС 4: 7; *доброжаловать* 1) ‘благодарственный ответ на приветствие “Бог в помощь” ’ Перм.; 2) ‘ответ на приветствие “Здравствуй” ’ Урал.; 3)

‘приглашение войти’ Перм., СРНГ 8: 78; Волог., СВГ 2:31; *добраночь* ‘пожелание доброй ночи при прощании’ Смол. СРНГ 8: 75; *добрыдень, добрывечер* ‘приветствие при встрече’ Южн., Зап., Смол., Пск., Калуж.СРНГ 8: 80; а также комплиментарное обращение: *добрик* ‘ласковое обращение к собеседнику’ Волог.: *Посговаривайте его, добрики, может согласиться* СВГ 2: 30; *доброхот* 1) ‘ласковое обращение к собеседнику’ Волог.: *Давай, доброхот, женись* СВГ 2: 30; 2) ‘приветствие к прохожему’ Арх., Олон., Север: *Что тебе, доброхот*; 3) ‘ласковое обращение к отцу, к родителям’ Арх., Волог., СРНГ 8: 79).

Добро в языке русской традиционной культуры осмысливается и как количественная категория, оно является мерилем признака или действия, находящегося в норме (отсюда значение ‘достаточно’, ср. *добро* ‘достаточно’ Костром., Яросл.: *Прибавить каши-то, али добро* СРНГ 8: 76) или достигшего своего высшего проявления (отсюда значения ‘очень’, ср. *добро* ‘очень’ Арх.: *Добро хорошо живут* СРНГ 8: 76; *добре* ‘очень, весьма’ Перм., Волог., Пенз., Яросл., Казан., Твер., Моск., Ряз., Тамб., Тул., Калуж., Орл., Курск., Ворон., Самар., Куйбыш., Саратов., Астрах., Оренб., Перм., Тобол., Том.: *Добре платок хороший у тебе* СРНГ 8: 75; *Матушка добре дюже умирая* ‘очень болеет’ Тамб., Даль I: 443; *добреш* ‘очень, весьма’ Орл.: *Добреш у ней мужик-то хорош* СОГ 3: 60; *добрятко* Перм.; *добрятко* Перм.; *добрятце* Тобол. ‘очень хорошо’: *Время провели добрятце* СРНГ 8: 81; ‘много’ (ср. *добре* ‘много’ Курск., Том.: *Добре мне присылают, добре, по сто рублей* СРНГ 8: 75); ‘сильно’ (доброт ‘очень сильно’ Свердлов.: *Он доброт простыл* СРНГ 8: 78).

При этом в языковом сознании человека отчетливо оформлена следующая установка русской культуры: Добра должно быть много, если же его мало, то это – Зло (ср. *злун* ‘немного, мало’ Смол., СРНГ 11: 292; *злыдни* ‘очень мало’ Волог., Новг., Влад., Калуж., Вят., Перм., Байкал., Иркут.: *Вишь, какие злыдни дала пирога-то, не во что и влипать; Хлеба-то злыдни остались* СРНГ 11: 294), это говорит о том, что при уменьшении количества Добро переходит в другое качество – Зло, в то же время как бы много Добра не было сделано, оно всегда остается Добром, т. е. Зло рождается от недостатка Добра или, как говорил Дионисий Ареопагит, “зло представляет собой слабость и убывание добра” (Дионисий Ареопагит 1994: 179). И в этом проявляется удивительный максимализм русского языкового сознания, оставшегося верным этике старославянского языка.

Все это делает “добро” в традиционной русской культуре категорией не только аксиологической (ср. *добро* ‘хорошо’ Яросл., ЯОС 4: 7; Волог., СВГ 2: 30; Новг., НОС 2: 88; Перм., Урал., Том., Казан., Костром., Яросл., Волог., Арх., Новг., Пск., Смол., Орл., СРНГ 8: 76; *добре* ‘хорошо, ладно’ Тамб., Орл., Смол., Курск., Дон., Калуж., Новг., Яросл., Костром., Печор., Урал., Том. СРНГ 8: 75; *добристо* ‘хорошо’ Пск., Олон., СРНГ 8: 76; *добры* ‘хорошо’ Дон., СРНГ 8: 80; *добровитый* Дон; *добрячий* Верхн. Дон; *добряцкий* Тобол., Тюмен., Перм. ‘хороший’ СРНГ 8: 77; *добренный* ‘очень хороший’ Яросл., ЯОС 4: 7; Новг., НОС 2: 88), но и прагматической (ср. *добрый* ‘полезный’ Калуж., СРНГ 8: 80; *надобный* ‘добрый’ Пск., СРНГ 19: 241).

Главным действующим лицом в тексте “добра” в языке русской традиционной культуры является человек, ибо Добро не только вне человека, но и в нем самом.

При этом добрый человек осмысливается в самых разных аспектах – в витальном, эстетическом, этическом, социальном. Понятно, что этическое восприятие “добра” лучше всего проработано в диалектном лексиконе.

Добрый человек (*добруга* Перм., *добряга* Новг., *добрик* Орл., *добрыши* Онеж., СРНГ 8: 80) в представлении русского народа – это прежде всего человек, стремящийся сделать добро другим людям (ср. *добродей* ‘добродетельный человек’ Волог., Север., СРНГ 8: 77; *добродетель* ‘благодетель’ Волог., СРНГ 8: 77), радушный и приветливый (*добролюбчивый* ‘приветливый, радушный’ Том., СРНГ 8: 78), гостеприимный, хлебосольный (ср. *доброрадный* ‘гостеприимный’ Олон., СРНГ 8: 78; *доброхотный* ‘хлебосольный, гостеприимный’ Пск., Твер., СРНГ 8: 80), простой, доступный для общения (ср. *добродище* ‘добрый, простой человек’ Перм., СРНГ 8: 77).

Язык традиционной народной культуры устойчиво связывает добро с семьей, с теми отношениями, которые царят в семье, о чем говорят обращения членов семьи друг к другу, в которых подчеркивается идея “желания” друг другу добра (ср. *доброхотница* ‘ласковое обращение к матери’ Олон., Арх., СРНГ 8: 79; *доброхотинка* ‘ласковое обращение к брату’ Север, СРНГ 8: 79; *доброхот* ‘ласковое обращение к отцу’ Арх., Волог., СРНГ 8: 79; *доброхотничек* ‘ласковое обращение к родственнику’ Север, СРНГ 8: 80; *добротинка* ‘ласковое слово по отношению к дочери’ Север, СРНГ 8: 79; *добротушка* ‘ласковое слово по отношению к матери или женщине-родственнице’ Север, Олон. СРНГ 8: 79), поэтому кормилец и заступник семьи – это *доброхот* ‘заступник, кормилец’ Волог., СВГ 2: 32; *добропечный* ‘заботливый’ Даль I: 443.

Социальное осмысление “добра” проявляется и в том, что добрый человек в языке русской традиционной культуры – это человек, получивший своеобразное признание в обществе как человек умный и дельный (ср. *добрый* ‘умный, дельный’ Самар., Калуж.: *Добрая голова сто голов кормит* СРНГ 8: 80; *доброумный* ‘добрый, рассудительный человек’ Даль I: 443), принимающий разумные решения (ср. *доброумиться* ‘принимать разумные решения’ СРНГ 8: 79), а потому достойный уважения (ср. *раздобрый* ‘обладающий положительными человеческими качествами, достойный уважения’ Орл., Урал, СРНГ 33: 328), не случайно к нему часто обращаются за советами (ср. *подоброумить* ‘дать совет’ Север., СРНГ 28: 108).

Наконец, социальность “добра” выражается и в том, что добрый человек является, с точки зрения традиционной народной культуры, богатым, зажиточным (ср. *добрый* ‘богатый, зажиточный’ Кузбас.: *Муж-то добрый, богато живут* СРГК: 67), не случайно одно из значений слова *добро* – ‘имущество’ (ср. также *доброта* ‘имущество’ Арх.: *Было у него многой всякой доброты* СРНГ 8: 78).

“Добро” в языке традиционной народной культуры предстает и как витальная категория, которая воспринимается визуально. Доброта человека, красота его души отражается в его внешности, она становится заметной, “видной” окружающим людям (ср. *добротный* ‘миловидный’ Олон., СРНГ 8: 77; *добротный* ‘красивый’ Даль I:443), отсюда эстетическое осмысление добра, в котором этическое и эстетическое слиты воедино (ср. *добротный* ‘красивый’ Олон., СРНГ 8: 76; *добротный*, *добротный* ‘красивый лицом, пригожий’ Даль I: 443). Это визуальное восприятие добра позволяет нарисовать своеобразный портрет “добротного” человека: он должен быть непременно надлежащего роста (ср. *добрый* ‘надлежащего роста’ Смол., СРНГ 8: 80; *добротный* ‘высокий’ Даль I: 443) и притом довольный плотным (ср. *добротный* ‘тучнеть, плотнеть, жиреть’, ср. *здравицу*, которую приводит В.И. Даль: *Жить да молодеть, добротный да богатеть* Даль I: 443; *подобротный* ‘стать здоровее, сильнее, крупнее’ Пск., Твер., СРНГ 28: 108; *подобротнее* ‘полнее, толще’ Арх., СРНГ 28: 107).

В языке традиционной народной культуры (так же как и в языке элитарной культуры) Добро предстает прежде всего как атрибутивная категория. И хотя глаголов, содержащих корень *добр-* здесь значительно больше, чем в литературном языке (ср. *добротный*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*, *добротиться*), однако на общем фоне номинативных образований они в

целом теряются, что еще раз свидетельствует о том, что добро для русского языкового сознания – это скорее качественная категория, чем процессуальная. В то же время нельзя не отметить, что в языке русской традиционной культуры корень *добр-* сочетается прежде всего с глаголом *хотеть*, а не *желать*, как в языке элитарной культуры (ср. *доброхотиться, доброхот, доброхотинка, доброхотница, доброхотушка, доброхотный, доброхотно*).

И дело здесь не только в разных стилистических регистрах этих глаголов (для глагола **желать** в утвердительных предложениях характерна стилистическая маркированность, указывающая на “неравенство социального статуса субъекта желания по сравнению со статусом его партнера” – Апресян 1997: 458), но и в их семантической противопоставленности: глагол **желать** “обозначает чистое желание без намека на действенную волю” тогда как глагол **хотеть** “указывает на действенность воли субъекта, т. е. помимо чистого желания он предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации... И эта действенность в свою очередь мотивируется тем, что субъект ощущает нужность предмета желаний для поддержания нормальных условий своего существования” (Апресян 1997: 457-458). Эта “нужность” добра в тексте русской традиционной культуры материализована в десятках разных номинаций.

Таким образом, здесь выявляется тонкое различие в “персонажах” языка элитарной и традиционной русской культуры: если в элитарной культуре человек только лишь желает добра, то в традиционной он проявляет готовность к его реализации в жизнь.

Итак, судьба этого концепта в языке русской традиционной духовной культуры говорит о его этической значимости, поскольку в нем до сих пор сохраняется духовно-христианская направленность в осмыслении категории Добра. “Секуляризация культуры не затронула глубоких структурных основ национальной модели, сложившейся в предшествующие века” (Лотман 1994: 367). Пережив своеобразную трансформацию в языке традиционной духовной культуры эта категория расширила сферу своего концептуального осмысления, обогатившись новыми смыслами, т. е. “принимая новое, духовная культура в значительной степени сохранила и старое, установив своеобразные формы сосуществования нового со старым” (Толстой 1999: 37). На примере этого концепта можно увидеть, как христианские традиции Средневековья “проросли” через тысячелетие и вошли в живую реальность нашей

современности в виде тех языковых реликтов, которые до сих пор живут в языке русской традиционной духовной культуры, составляя основу народной нравственности.

Литература

Апресян 1999 – Апресян Ю.Д. Хотеть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Т. 1, М., 1999.

Даль – Даль В.И Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–980.

Дионисий Ареопагит 1994 – *Дионисий Ареопагит* О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.

Лотман 1994 – Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород 1992–2000. Вып. 1–13.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда. 1983–2000. Вып. 1–9.

СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль; Орел, 1989–2001. Вып. 1–12.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.), 1965–2001. Вып. 1–35.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–25., М., 1975–...

СРЯ – Словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1957–1961.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) // Под ред. Р.М. Цейтлин, Р.Вечерки, Э.Благовой. М., 1994.

Толстой 1999 – Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. III. М., 1999.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

З.П. Данільчык

СІНТАКСІЧНА НЕПАДЗЕЛЬНЫЯ СЛОВАЗЛУЧЭННІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ: ТЫПЫ, СЕАНТЫКА, СТРУКТУРА

Пры сінтаксічным аналізе ў школе і ВНУ вялікія цяжкасці выклікаюць сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні (СНС). У адрозненне ад свабодных словазлучэнняў (СС) з рухомым, свабодным спалучэннем слоў, якое ствараецца ў момант гутаркі, СНС – гэта два і больш самастойныя словы, што цесна звязаны паміж сабой і выконваюць ролю аднаго члена сказа. Яны не чляняцца ў сказе, бо адзін з кампанентаў “семантычна аслаблены і недастатковы для перадачы патрэбнай інфармацыі” [1, с. 15]. Функцыянаванне СНС у сказе абумоўлена суадносінамі структурных і семантычных уласцівасцей словаформаў, што ўваходзяць у